

Ань Чанцин лишился дара речи. Он широко распахнул глаза и растерянно смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. И вправду... Все это происходило в прошлой жизни, он сам в тех событиях не участвовал — откуда же там было взяться ему?

Сяо Чжигэ сжал его ладонь и, стоя с ним плечом к плечу на городской стене, тихо произнес:

— Я не то чтобы совсем не верю в твои сны. При нынешнем положении дел в Да Е события вполне могли бы развиваться именно так, как ты видел. Да и я сам не стал бы сидеть сложа руки.

Он повернулся к Ань Чанцину:

— Не женись я на тебе, вероятно, поступил бы так же, как в твоём сне: сверг бы наследного принца и Шу-гуйфэй и заставил бы августейшего отца передать престол мне. Но теперь обстоятельства изменились.

В его взгляде мелькнула нежность:

— Человеку, у которого есть семья, следует действовать осмотрительнее и больше думать о близких.

Ань Чанцин слегка приоткрыл рот, по-прежнему выглядя немного растерянным:

— Значит, ты больше не станешь бороться за трон?

— Разумеется, стану, — в глазах Сяо Чжигэ блеснул стальной огонек, и он произнес сурово: — Кто бы ни взошел на престол — наследный принц или третий принц, — они ни за что не оставят нас в покое. Чтобы защитить себя, мы должны подняться выше их.

— И как же нам поступить? — не понял Ань Чанцин.

Увидев его озадаченное лицо, Сяо Чжигэ поднял руку и мягко коснулся его щеки:

— Августейший отец и эта страна долго не продержатся.

С этими словами он наклонился к самому уху Ань Чанцина и шепнул несколько слов. Глаза Ань Чанцина слегка округлились, а затем на его лице расцвела улыбка.

— Предзнаменования из снов могут сбываться, но в мире все изменчиво и непредсказуемо. То, что кажется неизбежным, вовсе не обязательно произойдет. Взять хотя бы бедствие в Яньчжоу — ведь на этот раз все сложилось иначе? — сказал Сяо Чжигэ. — Так что не принимай увиденное во сне слишком близко к сердцу.

От этих слов тяжелый груз воспоминаний, давивший на грудь Ань Чанцина, словно бы немного облегчился. Сяо Чжигэ прав. Прошлая жизнь осталась в прошлом. В этой жизни у него есть сам Сяо Чжигэ, и если они будут действовать сплоченно, то все сложится куда лучше, чем прежде.

Брови Ань Чанцина разгладились. Слегка наклонив голову, он намеренно оперся о его плечо и пробормотал:

— И почему я раньше не замечал, что князь умеет так утешать?

Сяо Чжигэ приобнял его, позволяя устроиться поудобнее:

— Со временем узнаешь обо мне все.

Ань Чанцин тихонько фыркнул, а затем, вспомнив сказанное, спросил:

— Если все действительно так... значит, нам вскоре придется вернуться в Ецзин?

— Не так уж быстро, — ответил Сяо Чжигэ. — Сначала нужно покончить с внешним врагом, а уже потом разбираться с внутренними усобицами. Судя по всему, война в Яньчжоу затянется еще на два-три месяца. Бэйдийцы понесли огромные потери, и Хуянь Сюнь так просто не отступит — иначе по возвращении в царский двор Бэйди ему не сдобровать.

— Тогда у меня есть одна идея! — воодушевился Ань Чанцин, узнав, что возвращаться в Ецзин пока не придется, и выложил все свои наблюдения, сделанные на улицах города. — Если нефрит из Сицяна ничем не отличается от нефрита в Да Е, мы вполне могли бы скупать его за бесценок на границе в Лянчжоу, привозить в Ецзин и продавать с огромной выгодой!

Сяо Чжигэ не обратил внимания на эти мелкие вещицы на рынке и не ожидал, что прогулка принесет такую находку. Задумавшись на мгновение, он произнес:

— Если ремесленники подтвердят подлинность, я напишу письмо Чан Цзайчану и предложу ему примкнуть к нам. Затем мы организуем перевозку в Ецзин и на юг — на этом удастся выручить немало серебра.

В последние годы Да Е раздирали внутренние и внешние смуты, поэтому с соседними Сицяном и Юйцзэ официальная торговля не велась, хотя государства и старались уживаться мирно. Но раз их границы соприкасались, удерживать простых людей от обмена товарами было невозможно. Если сицянский нефрит действительно настоящий, можно либо скупать его по дешевке, либо вовсе направить войска, чтобы захватить горную гряду на границе, добывать камень и продавать его в богатых южных провинциях — такое дело сулило колоссальную прибыль.

Приняв решение, Сяо Чжигэ посмотрел на Ань Чанцина еще теплее и тихо промолвил:

— Мне кажется, Но-но — мой счастливый талисман, посланный небесами.

С тех пор как они поженились, удача словно благоволила им во всем. Эти полгода брака стали самыми счастливыми за все двадцать лет его жизни.

— И когда только князь успел научиться таким сладким речам? — Ань Чанцин удивленно воззрился на него.

Этот молчун и раньше-то редкими нежными словами мог повергнуть в изумление, а сегодня от него и вовсе не дожدهшься останова.

Сяо Чжигэ с беспомощной, но искренней улыбкой ответил:

— Это не сладкие речи, а чистая правда.

Ань Чанцин поджал губы, изо всех сил пытаясь сдержать улыбку. Его раскосые глаза-фениксы слегка прищурились, но скрыть царившую в душе радость так и не удалось. Слегка приподняв подбородок, словно похваленный зверушка, он с лукавой ухмылкой взглянул на мужчину:

— Что ж, тогда я и впредь буду хранить тебя.

— Хорошо, — с улыбкой отозвался Сяо Чжигэ и, взяв его за руку, повел вниз с городской стены.  
— Отныне весь мой успех в руках Но-но.

Автор хочет сказать:

#Любовь повышает эмоциональный интеллект#

Но-но: «Князь стал говорить столько нежностей? У кого научился?»

Сюнсюн: «...» (Самоучка!)

-----

Сегодня очень ранний выпуск и князь, полный нежных слов!

Когда они вместе вернулись в поместье генерала, Чжоу Хэлань уже пригласил мастера. Яньчжоу не славился богатством, да и состоятельные семьи жили весьма скромно, поэтому ювелирных лавок в городе почти не водилось. Тех двух, что работали, хватало лишь на торговлю золотыми и серебряными украшениями, а изделиями с нефритом или самоцветами там почти не торговали.

Обойдя всех, Чжоу Хэлань лишь с трудом отыскал бывшего старого мастера и привел его в поместье.

Старик долго крутил камни в руках, разглядывая со всех сторон, и наконец дребезжащим голосом произнес:

— Похоже, ошибки нет, это действительно нефрит. Вот только одни образцы чисты и прозрачны, а в других полно примесей. За мутный камень хорошей цены не получить.

Старый мастер неспешно разделил на столе полтора десятка «булыжников». Большую часть составляли камни низкого качества, и лишь меньшая оказалась чистым, безупречным нефритом высшего сорта.

Но даже этой небольшой доли хватило бы, чтобы при продаже в Ецзине выручить внушительные деньги.

Даже обычно сдержанный Чжоу Хэлань невольно затаил дыхание, представив себе огромную выгоду.

Когда Ань Чанцин и Сяо Чжигэ вошли, Чжоу Хэлань как раз распоряжался отправить старика отдыхать. Увидев хозяев, он поспешил доложить о результатах. Ань Чанцин перебирал нефритовые осколки, чувствуя себя так, словно на него с неба упало богатство, и со сияющим взглядом обернулся к Сяо Чжигэ.

Поразмыслив, Сяо Чжигэ спросил у Чжоу Хэланя, помнит ли тот, где располагалась та горная гряда, чтобы отправить письмо Чан Цзайчану и приказать ему тайком выслать разведчиков.

Чжоу Хэлань постарался вспомнить, но за давностью лет не мог ручаться за точность. Он лишь набросал схематичную карту и описал примечательные вершины. После этого Сяо Чжигэ лично написал письмо, скрепил его личной печатью и в тот же день отправил гонца в Лянчжоу.

Лянчжоу граничил с Яньчжоу, так что курьер мог обернуться за три-четыре дня. Сяо Чжигэ

прикинул:

— Ответ должен прийти самое раннее через три дня.

Однако по прошествии трех дней ни ответа от Чан Цзайчана, ни самого гонца так и не дождались. Зато дозоры доложили, что отброшенный ранее Хуянь Сюнь собрал силы и вновь готовится к штурму города.

Сяо Чжигэ созвал военачальников для обсуждения плана действий. Пусть кризис в Яньчжоу ненадолго отступил, провианта оставалось немного, а с приходом весны приближалось время пахоты. В Да Е армия традиционно опиралась на земледелие: помимо провизии, выделяемой Храмом Тайфу, солдаты в мирное время сами обрабатывали землю. Если затягивать войну, бэйдийцам, у которых за душой ничего не было, нечего терять, а вот Да Е долгого истощения не выдержит.

— Нужно покончить с этим как можно быстрее, — сурово произнес Сяо Чжигэ.

— Но Хуянь Сюнь вряд ли легко отступит, — с мрачным видом заметил Ци Вэй. — Лазутчики из царского двора Бэйди доносят, что они сильно пострадали от снежных бурь: множество скота вымерзло, а с наступлением весны началась еще и падежная болезнь. Их потери огромны, и штурм Яньчжоу для них — последний шанс. Если он не сможет взять Яньчжоу и добыть зерно, Хуянь Сюня как главнокомандующего неминуемо отдадут под суд.

Не будь ситуация столь отчаянной, Хуянь Сюнь не стал бы после поражения под Хунья и потери руки упрямо удерживать позиции. Словно загнанный в угол одинокий волк, он готов был костями лечь, но вырвать у Яньчжоу хоть кусок.

Сяо Чжигэ на мгновение задумался и тяжелым щелчком опустил палец на изображение царского двора Бэйди на карте:

— Хуянь Сюнь увел с собой большую часть войска, так что во дворе наверняка почти не осталось защитников. Лучше выбить почву у него из-под ног и отрезать ему путь назад.

Царский двор Бэйди располагался в глубине Бэймо, где царил сложный рельеф, и нерасчетливое нападение грозило засадой. Однако сейчас представился идеальный случай: силы врага вышли в поход в полном составе, оголив тылы. Если нанести удар прямо сейчас, появится шанс одним махом избавиться от давней угрозы.

<http://bllate.org/book/18381/1767750>